Valera Bober

ЧЕРНЫЙ МОНАХ

Valera Bober

Черный монах. Из серии «Провинциальные рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68509533
ISBN 9785005925930

Аннотация

Страх смерти преследует человека, и каждую ночь он ждет его, чтобы переживать вновь и вновь свой последний миг на этой земле…

Содержание

ЧЕРНЫЙ МОНАХ 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Черный монах
Из серии «Провинциальные рассказы»

Valera Bober

© Valera Bober, 2022

ISBN 978-5-0059-2593-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧЕРНЫЙ МОНАХ

Из серии Провинциальные рассказы

Владислав Волосенко в судороге проснулся, не понимая, где он находится. Ему показалось, что он умирает. Страх сковал железным обручем голову, готовя к худшему, и холодом забрался под самое сердце, ухал там колоколом, пока не стало ясно, что это не смерть, а только предсмертие. Одеревенел нос. Владислав отчаянно, в страшном молчании, заломил себе руки. Крестом на полу лежала тень от оконной рамы, и свет от луны лился такой ясный и спокойный, как и была вся ночь, такая же морозная и тихая. Понемногу он успокаивался. Отпускало. Как хорошо впасть в спокойствие, которого ищешь. Устал я, – мотался мыслями Владислав, –

как можно это выносить годами? Устал я. Вот только что летал птицей, и вдруг сорвало головой в пропасть. Но как же хорошо там, наверху. Как красиво. По рукам бежали мурашки. Где я, и что я? Почему я воспринимаю все сумрачно, вроде разум мой находится в извечной темноте. Я все ползу, ползу по какому то глиностному дну, стараясь оттянуть время, будто у меня вечность впереди. И все боюсь поднять голову. Все пишу черновик какой то. Ему вдруг вспомнилось, как будучи еще студентом художественного института, где первые курсы воображали себя революционным поколением, он как то прочитал у Чехова рассказ о Черном Монахе, который поразил его глубиной мысли. Он тогда нашел в нем собственное состояние. Вот ведь как может жить человек. Всю жизнь может жить со своим страхом, скрывая это от окружающих и даже от родных своих, от которых то и скрыть ничего не получится. Все может обойти человек, а вот страх не обойдет. Так устроено, что Черный Монах будет сидеть под сердцем, и выйдет в самое неподходящее время. Только ночь остается человеку для спокойствия, где он впадает в беспамятство, а днем дрожит его душонка, как букашка божия, которая только тем и занята, как увернуться от воробья, что ее исклюет. И так изо дня в день. Из года в год. Вот куда уходят силы. В другую жизнь уходят. Только боженька и властен лишать человека такого страха. Больше никто. Боженька, он смотрит на нас. Ежечасно, ежесекундно, питаясь нами, нашими мыслями, делами, – Влади-

слав нервно вскинулся, – вот я вспылил, и этим отдал должное ему. Часть себя отдал. Владислав смотрел в потолок, где плавали тени. Ему теперь было спокойно. Главное чтобы руки не немели, – думал он, – это главное. Круглая луна висела в окне. Как же она манит к себе. Как зовет. Там ли счастье? Там ли спокойствие? Может и там. Вот здесь точно одна мерзость и возня мышиная. А как посмотришь вверх, и вот удовольствие. Все там. Электричество пульсировало в его глазах, вспыхивая мелкой мошкой, то расходясь большущими кругами, накрывая всего его с головой. Он смотрел в этот источник огня спокойно, понимая что он в голове его сидит, а не в глазах, – то боги со мной разговаривают, – прошептал он, облизывая потрескавшие губы, – значит страшного не хотят мне. Он быстро перекрестился. Где то далеко играла музыка, которую все время сносил ветер, и она то пропадала, то возвращалась, но это не мешало ему. Он знал, что все это в голове. Одна падаль вокруг человека, – думал Владислав, – да так много, что и питаться ею приходиться. Вот что уживается в человеке. Так и боги наши, нами питаются, как падалью. По пальцам побежала горячая кровь. Только сейчас он почувствовал, как схватило клещами затылок. Внутри горело. Хотелось пить. Вот вчера опять приезжал модный живописец Бельский со своей заграницы. Как всегда с идеями. Много водки было, а потом банку желтой краски из мастерской пропили. Теперь солнце рисовать нечем, – его уже душили другие мысли, – зачем

солнце, – с трудом думал он. И снова о другом стал думать, – вот Бельский кидается словами обидными, что хорошо быть молодым и талантливым, а сам черт в табакерке. Слащавый какой то, странный. Они когда то учились в одном институте, вместе болели художеством. А теперь что? Все бесполезно, время ушло, и кто в том виноват? Владислава душили слезы, – нельзя хоронить свой дар. Он свыше дан на временное пользование. Подарок это царский. Грех это. Талант твой тебе не принадлежит, и не тебе им распоряжаться, – вскинулся он злобно, – ведь спросят потом, обязательно спросят, что дали тебе такое счастье в пользование, а ты гноем просочился как в дырку, мразь человеческая. Истоптал копытами своими погаными золото. Боится он, как и все. Только вид на себя напускает, – сказал голос, – ты иди напейся воды. Владислав вышел на кухню, и стал жадно пить прямо из крана. Руки противно немели. Он старался не смотреть в сторону, где сидел Черный Монах. И может он и не монах никакой, может он ангел. Вон как в душу вкрадывается. Ласково и настойчиво. Истинно ангел. А глаза как у змеи. И кожа змеиная, переливается вся. И руки как у демона. Истинно ангельская душа. Эх, – Владислав рубанул рукой воздух, задыхаясь от духоты, понимая это все своим внутренним нервом, но собрать в слова никак не мог, и от этого еще больше путался головой. Наконец рванул форточку на себя, жадно хватая ртом мороз, и с облегчением чувствуя, как выходит из него эта философия. Гноем выходит. Легкие обожгло.

Мороз трещал, превращая воздух в ледяную пыль, и от этого ночной двор серебрился инеем. Все поплыло в слезах перед Владиславом, вспыхивая синим электричеством. Над далекими куполами церкви, похожей силуэтом на зиккурат, серое небо закручивалось в широкий водоворот, и затягивало в себя, и дым от труб, и грачей, и Владислава с его мыслями и всей его сутью. Воздух зашевелился. Не бойся ты, – сказал голос, – это твоя истинная сущность. И снова был такой ласковый, нежный. Под кухонным столом в ботинках мирно спал Эдя Бельский. Вот настоящий либерал, – разозлился Владислав, – наградил же бог нервностью такой, что и воздух бровями чувствует. Как жало комара, нервный. А сам мутантом прикидывается, мышь бездушная. Он заставил себя снова лечь и стал смотреть в темноту. Повиниться мне нужно, – думал Владислав уже восторженно, на него как накатило что то, – смерить свою гордыню. Он теперь ясно понимал, что это и есть его сокровенная правда. Тяжесть в затылке давила, поглощала его всего, и влекла за тем вихрем в небо, безвольно комкая там как рабскую сущность, – и кто же я на самом деле? Человек или безвольное существо? Почему я летаю во сне? Почему мне ум дан? Так ведь это все природно во мне, от рождения. Может потому боженька и дал мне такую чувствительность, что хочет видеть… на равных видеть, – он запнулся, пугаясь собственных мыслей, – а что если, – и зашелся беззвучным смехом, – если мне место рядом с Ним уготовано. И вдруг прозрел, словно с его глаз пе-

лену сдернули, – да ведь и Ему требуется раб. А как же, – он уже сам к себе обращался, вроде как себя же и уговаривал, – ведь сразу раб, а потом лучшие из нас и сами станут богами, – догадался он наконец, но все еще боялся этого слова. Но как только сказал, так это слово и стало на свое место. Вот оно что! Стать богом, – повторил он эхом, осознавая в этом особую радость, видя себя на белом коне и в пурпурной мантии, но тут же испугался такой откровенности, – нет, нельзя Ему признаваться в этом, нельзя гневить гордыней. Владислав так натурально прочувствовал диалог, что тут же и вжал голову, страшась подзатыльника. Вроде как стоял над ним в эту минуту кто то властный и громадный. Но ничего не произошло, гром не грянул. Опять показалось, – и уверенный в своей правоте он откинулся на подушки, – как же хорошо, как сладостно мне это дается. Восхищение переполняло его грудь, а мысли уже путались. В голове пульсировало электричество, накрывая его теменью. Владислав проваливался в сон. Потом снова вскидывался. То Бельский выл спросоня на кухне. Владислав услышал, как накатила волна, завертела, щекотала по рукам и ногам. Словно дым от анаши растворила мозг и затягивала в водоворот, в сырой и бескрайний туман. Что за удовольствие быть рабом божьим, – крестился он мелко, не открывая глаз, – вот счастие. Страшно, что человек не видит своего праздника, понимает его буднично. Праздник в окно к человеку лезет, а тот и спокоен. Нет смерти человеку в тот момент. Громадная воронка

медленно и страшно заглатывала его в свою пасть. Владислав не чувствовал головы. Было легко, спокойно. Духота больше не сушила. Электричество жалом проникало в его глаза, плясало в них, пульсировало, то сжимаясь в далекую точку, то снова распускаясь павлиньим хвостом. Змеиные глаза холодно смотрели из темноты. Прямо в душу его смотрели. Ведь не македонским я родился, это ясно, – прошептал он, словно пьянея, – так что ж, получается можно меня жалить своим раздвоенным языком? Так ужаль же, ужаль меня сколько есть сил. Что я получил в обмен на свой талант? Душу свою променял. Дьявол ты во плоти. Ваал рогатый. Крови еще не напился с меня вдоволь. Я весь раб твой, раб, раб. Пользуйся мной, и называйся богом, а я молиться стану на тебя. Бог ты и есть. Боженька наш земной. Слезы душили Владислава. Сзади прижалась горячим телом Зина. Спи уже, – прошептала, – художник ты мой. Владислав весь выжатый засыпал. За окном беззвучно падали хлопья снега и играла музыка, за которой он никак не мог угнаться. Над городом стояла круглая луна. Воняло сажей. В форточку задувало въедливым дымом от котельной трубы во дворе. Видно там опять топили сырыми дровами да тряпьем разным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.